

УДК 304.5

Образы России в контексте проблематики однополярности либо многополярности мира

П. Л. Попов

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается глубоко укорененный в отечественной социальной мысли образ России как центральной страны будущего объединенного мира и альтернативный, формирующийся в наше время образ России как страны, поддерживающей мировое многообразие. Отмечается, что переход от первого образа ко второму связан с глубокой трансформацией ценностной системы российского общества.

Ключевые слова: однополярность, многополярность, мир, Россия, ценности, многообразие, единство, актор, конкуренция, консерватизм, динамизм, религия.

Введение. События, произошедшие в течение последних 20–30 лет: распад СССР, отказ российских элит от советской экономической и идеологической системы, трансформация мировой геополитической системы, конкуренция в ней тенденций к однополярности и к усилению альтернативных, главным образом азиатских, центров силы поставили перед российским социумом проблему цивилизационного и геополитического самоопределения. С кем быть в союзе и на какие ценности ориентироваться? В дискуссиях по этим взаимосвязанным вопросам, в различных формах происходящих в России, явно наметилась идейная тенденция, которую мы и попытаемся в настоящей статье проанализировать.

«Социальное разнообразие (многообразие) есть ценность»; «в современном мире существуют тенденции, угрожающие социальному многообразию, создающие опасность глобальной унификации и монополизма во многих сферах деятельности»; «Россия является одной из основных мировых сил, сохраняющих социальное многообразие» – этот круг идей в современном российском обществе, особенно в элитах, становится все более влиятельным.

Уровень влияния этих идей есть, бесспорно, новое явление: для императорской и советской эпох, для новой России в 1990-е гг. такие установки не были характерны (хотя некоторые их предвозвещения имели место, о чем мы далее будем говорить). Рассмотрим эти вопросы подробнее.

1. *Проблематика однополярности или многополярности мира в российской социальной мысли царского, советского и постсоветского времени*

Необходима оговорка: «однополярный мир» – это абстракция, идеальный образ, который (вполне очевидно) никогда не может быть реализован вполне. Аспект мирового многообразия, полицентризма неустраним, как и аспект единства, однополярности: в мире всегда были и будут цивилизационные и

геополитические центры, в и каждую эпоху таких центров немного. Но возможны большие или меньшие приближения к состоянию мировой однополярности, и в наше время, несомненно, такое приближение велико, как никогда ранее.

В период существования СССР идея однополярности мира как состояния, к которому следует стремиться, была свойственна не только западной (американской прежде всего), но и советской политической элите. (С соответствующими географическими отличиями советской модели однополярного мира от американской). Каким (многополярным или однополярным), с точки зрения советской политической элиты, должен был стать мир, если бы ее надежды догнать и перегнать Запад в технологическом и экономическом отношении оправдались в 1960–1970-е гг.? Ответ не декларировался, но, думается, что он очевиден: более близким к состоянию однополярности, чем мир во главе с США, их союзниками и сателлитами. Советская система допускала меньше многообразия (в политической, мировоззренческой, экономической сферах), чем американская, и контроль СССР над его сателлитами и союзниками был еще жестче и прямолинейнее, чем соответствующий контроль США. (Не везде СССР удалось сохранить свой контроль, но это уже другой вопрос).

Марксизм-ленинизм был глобалистской идеологией («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»). Но у советского глобализма были и дореволюционные российские источники. Российской империи были свойственны апелляции к образу Рима («Третий Рим» – здесь еще московские, доимперские корни; принятие российскими монархами римского титула «император»; идея овладения Константинополем, столицей Второго Рима, как практический план). Образ Рима сближался с идеей глобальной однополярности, поскольку Рим (именно в качестве образа, идеи) рассматривался как единственный центр всего европейского мира, а европейский мир мыслился как ядро (политическое, культурное) всего человечества.

Многие русские мыслители достаточно ясно говорили о будущем мировом лидерстве или даже господстве России. Согласно геополитическому проекту Ф. И. Тютчева, не только поэта, но и крупного дипломата, предполагалось, что Российская империя со столицей в Константинополе будет единственной империей всего цивилизованного мира [Подробнее см. 14].

Идеи будущего лидерства или господства России (при всей своей критичности по отношению к нашей стране) не чужд был и Н. В. Гоголь. Вспомним финал «Тараса Бульбы». «Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: поднимается из земли Русской свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!..» [4, т. 2, с. 146]. В 1844 г. Гоголь писал: «Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому пред малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой — явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве» [4, т. 8, с. 214].

Жесткий оппонент Гоголя и убежденный западник, В. Г. Белинский в рассматриваемом вопросе был с ним одного мнения. В 1840 г. он писал: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 г. стоящую во главе образованного мира, дающею законы и науку и искусству и принимающею благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества» [1].

Н. Ф. Федоров [6], русский философ XIX в., оказавший влияние на многих мыслителей, считал, что ради управления природой необходимо единство человечества, и достигнуто оно будет под руководством России.

Ф. М. Достоевский в своей знаменитой пушкинской речи утверждал мысль хотя и неагрессивную, но вполне находящуюся в русле российского глобализма. «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите. ...Наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей» [13, с. 187].

Классики евразийства (это уже послереволюционное время, но школа дореволюционная) тоже не чужды были идеи мирового господства или лидерства России. В «Катехизисе евразийства» (основные авторы – П. Н. Савицкий и Н. С. Трубецкой) утверждалось, что «Евразия-Россия... притязает на то, и верит в то, что ей в нашу эпоху принадлежит руководящая и первенствующая роль среди мировых культур» [7, с. 379].

Н. И. Вернадский – мыслитель советского времени с дореволюционными идейными корнями, как Савицкий и Трубецкой (и близкий к евразийству, кроме того), в своей концепции ноосферы тоже тяготел к глобализму, хотя и без уточнения положения будущего мирового центра. «Вопрос о плановой, единообразной деятельности для овладения природой и правильного распределения богатств, связанный с сознанием единства и равенства всех людей, единства ноосферы, стал на очередь дня» [3, с. 411].

Впрочем, в дореволюционной России высказывались и идеи антиглобалистской направленности. Н. Я. Данилевский: «Большей клятвы не могло бы быть наложено на человечество, как осуществление на земле единой общечеловеческой цивилизации. Всемирное владычество должно, следовательно, страшить не столько своими политическими последствиями, сколько культурными. Не в том дело, чтобы не было всемирного государства, республики или монархии, а в том, чтобы не было господства одной цивилизации, одной культуры, ибо это лишило бы человеческий род одного из необходимейших условий успеха и совершенствования – элемента разнообразия» [5, с. 426]. Отрицательное отношение к идее мирового единства, связываемой преимущественно с католицизмом, высказывается в «Братьях Карамазовых» Достоевского, в контексте темы Великого Инквизитора.

Политическая элита СССР конца 1980-х приняла идею американоцентричного однополярного мира, надеясь, несомненно, стать его достойной частью. Кардинальные изменения произошли в процессе распада СССР. Элита

новой России, особенно в первой половине 1990-х, в своем мейнстриме была, похоже, согласна на превращение России в третьестепенную страну. С этой линией корреспондировал интенсивно культивирующийся (и относимый не только к настоящему, но и прошлому) образ России как зависимой, сервильной, духовно и материально слабой страны. Не только мирового господства или лидерства, но вообще какого-либо мирового значения страна, соответствующая такому образу, иметь не может.

В период от второй половины 1990-х до нашего времени в России происходит отказ от замысла вхождения в западный мировой центр. Но не происходит возврата к идее мировой интеграции под российской эгидой; утверждается идея многополярности мира как состояния, предпочтительного по сравнению с однополярностью, и представление о России как одном из центров многополярного мира. Некоторые обстоятельства, способствующие повороту к идее многополярности, вполне очевидны. Это поражение нашей страны в холодной войне, неудача ее попытки стать достойной частью однополярного мира, контролируемого победителями, и неприемлемость того места и того образа, которые победившее мировое сообщество ей отводит. Кроме того, большинство славянских стран и немалая часть бывших советских республик, в том числе православные Грузия, Украина, Молдова, перешли (в разной степени и едва ли навсегда, но, похоже, «всерьез и надолго») под геополитический контроль Запада (а союз России с цивилизационно близкими странами подразумевался в российском глобализме).

Вместе с тем нарастает во всем мире, и в России особенно, неприятие идеи однополярного мира вообще. Если раньше, особенно в эпоху мировых войн, были видны прежде всего отрицательные стороны разобщенности мира, то теперь, в эпоху глобализации, когда просматривается перспектива радикального приближения мира к состоянию однополярности, очевидны негативные стороны ослабления мирового многообразия.

Проблематика многополярности либо однополярности мира как предпочтительных состояний, альтернативных целей, имеет очень глубокие философские, даже религиозно-философские корни, связана с множеством философских и общенаучных проблем. Поэтому изменение позиции в данном вопросе взаимосвязано с рядом изменений в отношении к другим вопросам; в совокупности эти изменения означают глубокую мировоззренческую трансформацию российского общества. Неизбежны в этой связи изменения взглядов на геополитические задачи нашей страны (включая и внутреннюю, межрегиональную геополитику).

Все эти факты побуждают к сопоставлению двух образов России: как мирового объединителя либо как одного из центров, поддерживающих мировое многообразие. Попытаемся провести такое сопоставление с учетом тенденций развития нашей страны и некоторых других стран. Но сначала затронем (по необходимости кратко) тему единства и многообразия как характеристик социальной организации того или иного уровня, имеющих ценностные аспекты.

2. О понятиях «единство» и «многообразие» применительно к социальной организации

Начнем с понятийно-терминологической стороны, которая для данной проблематики является весьма многоплановой.

Социальная организация – общность людей, рассматриваемая как субъект действия (актор), т. е. обладающая определенным единством, обособленностью, самосознанием, потребностями, целями, ресурсами. Понятие «актор» введено в социальную науку Т. Парсонсом [9]; отметим внимание Парсонса к тематике социальной дифференциации, т. е. многообразия [10].

Социальная организация состоит из членов, которыми могут быть или отдельные личности (индивидуальные члены), или общности людей (коллективные члены). Члены организации также могут рассматриваться как акторы. Социальной организацией может быть названо, например, население страны (государства), региона (внутригосударственного или надгосударственного) и все человечество.

Представляется вполне очевидным, что любой социальной организации свойствен как аспект единства, так и аспект многообразия. Вместе с тем соотношение единства и многообразия в одной и той же социальной организации – это не «игра с нулевой суммой»; рост многообразия не обязательно означает уменьшение единства, и наоборот. Это связано прежде всего с тем, что социальные организации (и их части) сочетают черты систем и типов. Единство организации как системного образования не только не исключает, но предполагает и положительно зависит от ее многообразия как совокупности типологически различных единиц. Как единство, так и многообразие являются ценностями, но, при нарушении их сбалансированности, также источниками рисков.

Нельзя сказать, что единство лучше многообразия, или наоборот. Лучше – единство в многообразии, «организованное разнообразие», по выражению К. Н. Леонтьева [8]. Но в случае если баланс нарушен в одну из сторон, необходимы усилия, направленные на поддержку противоположного элемента. В современном мире на глобальном уровне ощущается такое нарушение баланса – в сторону единства (моноцентризма, унификации).

То, что многообразие и единство как характеристики социальной организации являются ценностями, во всяком случае, могут рассматриваться как ценности в некоторых контекстах, – факт хорошо известный. Вместе с тем попытка охватить в едином рассмотрении различные ценностные аспекты как социального единства, так и многообразия отсутствует.

Мы попытаемся сделать такое рассмотрение (по необходимости предельно краткое): сформулируем ценностные аспекты как многообразия, так и единства.

- Социальное многообразие как предпосылка и результат взаимодополнения акторов при создании ценностей (такое взаимодополнение включает и обмен явлениями, относящимися к сферам религии, науки, искусства между цивилизациями, регионами мира).

- Социальное многообразие как предпосылка и результат резервирования ресурсов актора (включает и ситуации сохранения потенциала развития в относительно обособленных частях целого – цивилизации, страны, этноса,

ядро которого этот потенциал утрачивает, см. приведенное высказывание Н. Я. Данилевского).

- Социальное многообразие, заключающееся в гибкости связей внутри коллективного актора, как фактор его устойчивости.
- Социальное многообразие как условие возможности эффективного ответа на внешний вызов через мобилизацию нужного ресурса.
- Многообразие состояний, которое может принять социальная организация, как условие эффективного ответа на внешние вызовы.
- Социальное многообразие, внешнее по отношению к актору, как предпосылка полноты его существования, свободы его выбора, раскрытия и развития его индивидуальности.
- Социальное (прежде всего мировоззренческое) многообразие как предпосылка формирования правильной картины социальной реальности.
- Социальное многообразие как предпосылка конкуренции акторов, усиливающей социальный динамизм.
- Социальное многообразие как фактор конкуренции акторов, обуславливающей ограничение их властных амбиций и агрессивности, связанной со стремлением расширить свое влияние.
- Социальное единство (единообразие) как логическое условие существования определенной социальной общности, следовательно, и определенного актора с его самосознанием.
- Социальное единство как фактор, способствующий обмену ценностями связанных этим единством акторов.
- Социальное единство как фактор, обеспечивающий возможность сосредоточения ресурсов актора в наиболее важном для него направлении.
- Социальное единство как фактор, препятствующий возникновению конфликтных ситуаций.
- Социальное единство (прочность связи его частей) как фактор устойчивости коллективного актора.
- Единство актора (его устойчивость, организованность, взаимная дополняемость компонентов) как предварительное условие его вхождения, в качестве сохраняющей индивидуальность части, в организованное целое.

Не вызывает сомнения, что список рассмотренных ценностных аспектов социального многообразия и единства может быть расширен. Все же мы надеемся, что основные такие аспекты получили в приведенном списке отражение, пусть и самое краткое. Мы также надеемся, что этот список показывает сложность, многоаспектность проблематики социального единства и многообразия, ее связь со многими и важными проблемными областями социальных наук.

3. Основные идеи, связанные с образом России как мирового интегрирующего центра

Прежде всего (очевидно), этот образ включает крайне высокую оценку потенциала России и идею опережающего (сравнительно с другими странами) роста этого потенциала в будущем. (Второе, несомненно, во многом зависит от первого). Далее. Этот образ органично сочетается с идеей всеобъемлемо-

сти, всеохватности российской культуры, ее «всемирной отзывчивости», с родственной идеей переходного евро-азиатского цивилизационного положения России, ее восприятием как «моста» между Европой и Азией. Кроме того, образ России как мирового объединяющего центра связывается с ее историческим образом как империи, при положительной оценке ее имперской активности. (Россия в разные эпохи в разной степени и в разных смыслах соответствовала понятию империи. С образом России как мирового объединительного центра сближаются положительные акцентировки имперских аспектов ее истории).

Бесспорно, данный образ предполагает, применительно к глобальному уровню, акцентировку ценностных аспектов социального единства, при большем или меньшем уменьшении внимания к ценностным аспектам социального многообразия.

4. Основные идеи, связанные с образом России как одного из центров, поддерживающих мировое многообразие

Очевидно, что в сравнении с образом России как грядущего центра объединенного человечества или грядущего мирового лидера образ России как одной из сил, поддерживающих мировое многообразие в настоящем и будущем, означает снижение оценки потенциала России. Успешное сопротивление претензиям на мировое господство требует от каждого осуществляющего это сопротивление геополитического актора в отдельности меньших сил, чем требуется от актора, стремящегося эти претензии осуществить. Прежде всего потому, что в противостоянии претенденту на мировое господство всегда готовы сплотиться, преодолевая цивилизационную разнородность и расхождение интересов, многие геополитические акторы.

Но и с учетом данного снижения оценка потенциала России, в случае принятия этого образа, остается очень высокой. Особенно в сравнении с оценкой, связанной с образом России, культивировавшимся «элитой 1990-х».

В мире немного стран, способных (каждая в отдельности) быть одним из основных геополитических центров мира.

Образ России как силы, поддерживающей глобальное многообразие, акцентирует в ее истории не имперскую активность, а борьбу против других государств имперского типа, в том числе претендовавших на мировое господство; борьбу, основной целью которой было не завоевание, а защита, сохранение собственной национальной жизни, цивилизационной идентичности.

Этот образ лучше согласуется не с идеей переходного положения России в цивилизационном отношении (Евразия), но с акцентировкой цивилизационной индивидуальности России, не сводимой к сочетанию европейских и азиатских элементов. Вместе с тем эта акцентировка не абсолютизируется; идея внутреннего многообразия России, отчасти связанная с многообразием ее внешних связей, сохраняется.

Данный образ предполагает, применительно к глобальному уровню, акцентировку ценностных аспектов социального многообразия, при большем или меньшем снижении внимания к ценностным аспектам социального единства. Применительно к внутригосударственному уровню данный образ предполагает идею максимального сочетания единства и многообразия. Актор,

претендующий на поддержку глобального многообразия, должен сам обладать многообразием (иначе его претензия будет выглядеть неубедительно, даже лицемерно), но также иметь выраженную индивидуальность и способность к противодействию экспансии других акторов, что предполагает высокую степень внутреннего единства.

Советский Союз, в котором почти не допускалось политического многообразия и подавлялась религиозная жизнь, следовательно религиозное многообразие, не мог эффективно осуществлять поддержку глобального многообразия и не стремился к такой роли. Вместе с тем неконсолидированная, раздражаемая внутренними противоречиями и потому слабая Россия, утрачивающая цивилизационную и геополитическую самостоятельность, также не будет способна к поддержке глобального многообразия и, тем более, к поддержке элементов порядка, организованности, единства в глобальном многообразии.

5. О степени обоснованности основных идей, связанных с рассматриваемыми образами России

Попытаемся учесть при оценке этих образов и нынешние геополитические реалии (включая тенденции), и данные современной науки. Один из аспектов влияния нынешних реалий на образы России – побуждение к пересмотру некоторых догматизированных идей, ведущих к несбывшимся ожиданиям.

Вполне очевидно, что представление о способности России быть центром однополярного мира в нынешних геополитических обстоятельствах (включая тенденции) является нереалистичным. Не только из-за перехода бывших союзников и части бывших советских республик в лагерь противников, о чем мы уже упоминали, но и в силу некоторых других фактов. Ожидание грядущего лидерства или политического господства России подогревалось ожиданием упадка Запада, при отсутствии ожиданий геополитического рывка неевропейских центров силы. Если Запад ослабеет, то кто его заменит, кроме славянства во главе с Россией? Такое рассуждение неявным образом присутствует у Н. Я. Данилевского, не верившего в возможность выхода Китая и Индии, не говоря уже о других азиатских странах, из состояния отсталости.

Прогноз упадка Запада, в общем, не сбылся, хотя и не утратил актуальности; основания для этого прогноза усилились. Правда, Запад столкнулся с опасными, витальными проблемами не на военном, экономическом, научно-технологическом, а на демографическом фронте. Но это не меняет значения происходящего, тем более что за демографическим упадком скрываются какие-то глубинные факторы, не вполне ясные, имеющие, по-видимому, духовные, морально-психологические корни. Вместе с тем недооценка Китая и Индии во многом опровергается реалиями нашего времени. А это значит, что лидерство Запада может когда-нибудь смениться единоличным лидерством Китая или Индии, или многополярностью, но необязательно лидерством России. (Все это не исключает опасности приближения мира к однополярности в ее нынешнем варианте).

Потенциал США, тем более всего англосаксонского мира, который, несомненно, является относительно единым и обособленным геополитическим актором в рамках Запада, подлинным «мировым сообществом», в ряде аспек-

тов многократно больше потенциала современной России. Тем не менее и он, судя по всему, недостаточен для установления подлинной однополярности и долгосрочного удержания достигнутых элементов монополизма. Всех этих фактов достаточно, на наш взгляд, чтобы считать идею однополярного мира под российской эгидой в долгосрочной перспективе нереалистичной.

Но для того, чтобы быть одним из центров многополярного мира, потенциал России вполне достаточен. Основная часть потенциала Советского Союза осталась в России, а Советский Союз 50 лет выдерживал геополитическую конкуренцию Запада. Россия потеряла мнимых союзников (имевших сильную предрасположенность к превращению в потенциальных противников) и республики, зачастую не лишённые такой же предрасположенности, но обретает консолидированность, сплочённость, притом более сознательную, не исключаяющую мировоззренческого многообразия, многоукладности экономики, внутренней конкурентной среды в политической и экономической сферах. Как факторы геополитической конкурентоспособности, эти обретения могут в перспективе стать весомее (если уже не стали), чем потери.

Идея переходного, евро-азиатского положения России, конечно, справедлива в территориальном аспекте, но в цивилизационном аспекте, благоприятствующем образу России как мировой объединяющей силы, эта идея не имеет достаточных объективных оснований. Она подразумевает некую симметрию, равновесие, соразмерность европейского и азиатского элементов в России; в действительности же перевес европейского элемента над азиатским в России очевиден. Это было достаточно ясно и раньше, но результатами современной науки, в частности генетики и лингвистики, подтверждается [12]. Функций цивилизационного «моста» от Азии к Европе Россия никогда не выполняла. Китайские, японские, персидские, среднеазиатские, арабские, индийские инновации проникали на Запад помимо России, а в Россию, как правило, – через Запад [подробнее см. 12]. В наше время, в связи с развитием средств транспорта и связи, Европа и Азия менее чем когда-либо нуждаются в цивилизационном посредничестве. В цивилизационном отношении Россия всегда тяготела к Западу, к положению его особой части, а в геополитическом отношении – к обособленности, самостоятельности. И в нынешних геополитических реалиях именно стремление к самостоятельности становится особенно актуальным.

Исторически Россия осуществляла активность имперского типа и добилась в этом масштабных результатов. Вместе с тем она подвергалась агрессии других государств, и в отражении этой агрессии тоже была очень результативной.

Эта, активно-оборонительная, сторона образа России сейчас гораздо актуальнее, чем имперская. Геополитический расклад сейчас таков, что воссоздание государства в границах, близких и к границам Советского Союза, и крайне затруднено, и не нужно. Территория России и так велика, обеспечена многими ресурсами и, при достаточном технологическом развитии, в значительной своей части пригодна для комфортного проживания возрастающего по численности населения.

Можно, пожалуй, сказать, что не распад советской «империи» (попутно заметим, что распался Советский Союз не так, как распадаются империи) стал

причиной угасания имперского образа, но наоборот, его угасание стало причиной распада. Вместе с тем память об отражении нашествий Наполеона и особенно Гитлера не слабеет, напротив, ее значение как одной из основ национального самосознания возрастает. Это согласуется (и взаимодействует, по-видимому) со становлением образа России как центра сопротивления мировой однополярной тенденции. Учтем, что «мировое сообщество» придает военной, разведывательной составляющей в обеспечении своего монополизма важнейшее значение (это видно по множеству фактов, включая размеры военного бюджета США).

Таким образом, можно предположить, что постсоветская Россия, постепенно преодолевая наследие 1990-х в его деструктивной части, все более обретает черты, согласующиеся с задачей противодействия глобальному монополизму, причем любому, а не только в нынешнем варианте; противодействие имеет характер сдерживания и не обусловлено стремлением занять место единственного мирового лидера. Мы уже отмечали, что предпочтение образа, отражающего эту задачу, означает усиление внимания к ценностным аспектам социального многообразия, в том числе связанным с такими понятиями, как «свобода», «динамизм», «конкуренция». Существующие стереотипы акцентируют в образе России значение иных ценностей, такого круга, как «консерватизм», «дисциплина», «единомыслие», «покой»...

Односторонне-преувеличенное представление о консерватизме российского общества является данью традиции, которая заслуживает корректировки с учетом и нынешних задач, стоящих перед нашей страной, и более внимательного анализа ее прошлого. Нашей стране (видимо, в большей степени, чем большинству стран мира) свойственны глубокие трансформации в ходе истории, затрагивающие многие сферы жизни. Как отмечал Н. А. Бердяев, «в истории мы видим пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию петровскую, императорскую, и наконец, новую советскую Россию» [2, с. 7]. Исторически весьма динамична Россия в пространственном отношении: ее территория быстро росла, иногда сокращалась; очевидно, что пространственная динамика взаимосвязана с иными трансформациями.

Особая грань проблематики динамизма или консерватизма как характеристик России – свойственное геополитике, отчасти научное, отчасти «метафизическое», связывание мирового динамического начала с «водой» (океаном), а консервативного начала – с «землей» (сушей), вместе с отнесением России к континентальному типу стран [11]. Но правильнее относить Россию к переходному континентально-океаническому типу (пусть и с преобладанием континентальных черт); нужно учесть и то, что оснований для жесткой понятийной альтернативы в данном случае не существует, и то, что море всегда имело большое, и разнообразное, значение для России (особенно если сравнить со странами, выхода к морю не имеющими). Кроме того, «вода» – это не только море, но и реки, и озера. Россия – страна рек (особенно), в том числе крупных, впадающих в моря на ее территории, и озер. Все это ослабляет существующий геополитический стереотип в части, касающейся России. Сказанное не означает отрицания связи России с консервативными ценностями,

но (в наше время особенно) защита консервативных ценностей требует динамизма; защита динамизма как особой ценности связана, что мы уже отмечали, с принципом поддержки мирового многообразия.

Идея свободы как ценности имеет в истории России глубокие основы; об этом можно сказать много, но, пожалуй, достаточно упомянуть об энергии, которая была проявлена при отражении агрессий извне, и о том значении, которое память об этих событиях имеет для национального самосознания. В прошлом сближению образа России с идеей свободы препятствовала внутриполитическая несвобода в России. В наше время это препятствие устраняется (уместно здесь подчеркнуть, что события конца 1980-х и 1990-х имели не только отрицательные следствия); вместе с тем способность противодействовать внешнеполитическому давлению, которому готовы подчиниться многие другие страны, в нынешних реалиях востребована и остается частью образа России.

Социальное многообразие является ценностью, только если в достаточной степени сочетается с элементом единства, организованности. Здесь имеется связь с важной темой значения религии в современной России.

В российской геополитической, культурологической мысли влиятельны направления, видящие Россию оплотом (главным, если не единственным) традиционных христианских ценностей, противостоящим все более отпадающему от христианства Западу (особенно усиливают такое восприятие событий «однополая революция» и угроза ассимиляции западных европейцев с мигрантами из Африки и Азии).

Россия, как известно, – многоконфессиональная страна. Поэтому подъем религиозности способен стать фактором, способствующим ее дезинтеграции. В свое время основатели евразийства, прежде всего П. Н. Савицкий, подчеркивая культуuroобразующее значение религии и одновременно стремясь понятийно соединить в одном культурном типе российских православных славян с российскими мусульманами и буддистами, искали некие идейные конструкции, сближающие эти религии, и убедительно не решили этой задачи.

Но в нынешних геополитических реалиях платформа для союзничества разных конфессий (хотя и не для сближения в смысле синтеза или поглощения, что подразумевали евразийцы) возникла, и она вполне очевидна, – это противостояние глобальному монополизму, глобальной цивилизационной унификации. Религия в социальном отношении – сила, способствующая сохранению культурного разнообразия, поскольку религии не смешиваются, не допускают, как правило, двойной принадлежности. Попыткам интеграции в рамках неких форм межконфессиональной мистики традиционные конфессии, в большей или меньшей степени, склонны сопротивляться. Россия как государство самоопределяется в качестве одного из основных государств, противостоящих глобальному монополизму. Здесь имеется мотив для союзничества конфессий и мотив для связывания конфессиональных самосознаний с национально-государственными интересами.

Выводы

1. Образ России как центральной страны будущего единого мира, имеющий глубокие корни в российской социальной мысли, не актуален в реалиях нашего времени; но и безотносительно к этим реалиям, по-видимому, его следует считать ошибочным, неверно ориентирующим мысль, не соответствующим глубинным предрасположенностям нашей страны.

2. Образ России как одной из сил, поддерживающих мировое многообразие, актуален в реалиях нашего времени; по-видимому, он лучше согласуется с особенностями ее истории и культуры.

Список литературы

1. *Белинский В. Г.* Цитаты, высказывания, афоризмы [Электронный ресурс] / В. Г. Белинский. – URL: <http://citatnik.eu/citaty-belinskij-2.shtml> (дата обращения: 12.02.2016).
2. *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев ; АН СССР, Науч. совет по пробл. культуры. – Репринт. воспроизв. – М. : Наука, 1990. – 222 с.
3. *Вернадский В. И.* Биосфера и Ноосфера / В. И. Вернадский. – М. : Айрис-Пресс, 2004. – 574 с.
4. *Гоголь Н. В.* Письмо А. О. Смирновой // Соч. : в 8 т. / Н. В. Гоголь. – М. : Правда, 1984. – Т. 8. – С. 213–214.
5. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М. : Книга, 1991. – 426 с.
6. *Достоевский Ф. М.* Пушкин / Ф. М. Достоевский // Русская идея : сб. произв. рус. мыслителей. – М. : Айрис-пресс, 2004. – С. 172–189.
7. Евразийство: опыт систематического изложения // Пути Евразии / сост., вступит. ст., коммент. И. А. Исаева. – М. : Рус. книга, 1992. – С. 347–415.
8. *Леонтьев К. Н.* Избранное / К. Н. Леонтьев. – М. : Росспэн, 2010. – 722 с.
9. *Парсонс Т.* О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М. : Акад. проект, 2002. – 880 с.
10. *Парсонс Т.* Системы современных обществ / Т. Парсонс. – М. : Аспект, 1998. – 270 с.
11. *Петров В. Л.* Геополитика России / В. Л. Петров. – М. : Вече, 2003. – 510 с.
12. *Попов П. Л.* Основные идеи классического евразийства в научном и геополитическом контексте нашего времени [Электронный ресурс] / П. Л. Попов // Современные проблемы науки и образования : электрон. науч. журн. – 2014. – № 5. – URL: <http://www.science-education.ru/119-14522> (дата обращения: 12.02.2016).
13. *Федоров Н. Ф.* Сочинения / Н. Ф. Федоров. – М. : Мысль, 1982. – 711 с.
14. *Цымбурский В. Л.* Остров Россия / В. Л. Цымбурский. – М. : Росспэн, 2007. – 545 с.

The Images of Russia in the Context of Issues of Unipolar or Multipolar World Order

P. L. Popov

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. The article deals with the image of Russia as a country of the future center of the united world, which is deeply rooted in the Russian social thought, and considers emerging in our time alternative image of Russia as a country that supports worldwide diversity. It is noted that the transition from the first image to the second one is associated with profound transformation of the value system of the Russian society.

Keywords: unipolar world order, multipolar world order, Russia, values, diversity, unity, actor, competition, conservatism, dynamism, religion.

Попов Петр Леонидович

*кандидат философских наук, научный
сотрудник*

*Институт географии им. В. Б. Сочавы
СО РАН*

*664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1
тел.: 8(3952)422700*

e-mail: soclab@irigs.irk.ru

Popov Petr Leonidovich

Candidate of Sciences (Philosophy),

*Research Fellow V. B. Sochava Institute of
Geography SB RAS*

1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033

tel.: 8(3952)428689

e-mail: plp@irigs.irk.ru